

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОГНОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА КИТАЯ

© 2016 г. **А.Б Парканский***

Статья поступила в редакцию 28.09.2016.

Статья анализирует новейшие прогнозы социально-экономического развития Китая, опубликованные американскими специалистами. Особое внимание уделяется ожидаемым переменам в экономическом и технологическом соревновании Соединённых Штатов с Китаем и в политических подходах Вашингтона к политике на китайском направлении, а также последствиям замедления хозяйственного роста КНР для экономики стран Азиатско-тихоокеанского региона и мира в целом.

Ключевые слова: ВВП, структурные реформы, экономический рост, государственный долг, инвестиции, социальное неравенство, технологический разрыв, международные компании, государственный сектор, коррупция, экспорт, импорт.

«Китай сегодня представляет собой сказку о двух экономиках: одной – старой, одной – возникающей», – утверждает известный специалист Э. Кампанелла из Правительственной школы Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета (также известна как Гарвардская школа Кеннеди) [6]. Мировой финансово-экономический кризис конца 2000-х годов проявил, среди прочего, истощенность ранее успешной модели экономического роста, которая в предыдущие годы превратила Китай в крупнейшего мирового производителя и торговца и основывалась на приоритетном развитии экспортных производств обрабатывающей промышленности за счёт массированных государственных и иностранных инвестиций. Мировой хозяйственный спад и сопутствующее ему сокращение зарубежного спроса на китайские товары и услуги привели к замедлению экономического развития КНР, относительному уменьшению притока иностранного капитала и экспорта китайских товаров и услуг.

Американские эксперты пытаются понять, насколько успешными в ближайшей и особенно отдалённой перспективе окажутся предпринимаемые ныне экономические решения властей Поднебесной, а также какое влияние окажут новейшие тенденции развития Китая на соотношение сил в американо-китайском соревновании и как может измениться конфигурация сил в мире и, в частности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе?

Как отмечает известный финансовый аналитик, глава Центра «Ар-ти-Бест консалтинг» Р. Бест, сегодня не вполне ясно только, насколько существенным окажется падение скорости движения Срединной империи и насколько значительными окажутся его последствия для мира [2]. «Даже если рост китайской

* **ПАРКАНСКИЙ Александр Борисович** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (Parkansky2010@yandex.ru).

экономики замедляется, в течение многих лет он будет быстрее американского... Для многих, поэтому, вопрос не в том, станет ли Китай супердержавой, а как скоро это произойдет», – пишут видные исследователи С. Брукс и У. Волфорт из Дартмутского колледжа [5].

Начало перемен

Валовый внутренний продукт КНР составил в 2015 г. около 11 трлн. долл. (в 2010 г. – 6 трлн. долл.), а в 2021 г., согласно прогнозу исследовательского интернет-портала «Статистика», достигнет почти 17,8 трлн. долларов [12; 33].

Эксперты американских аналитических центров указывают на то, что в последние годы происходит кардинальный сдвиг от индустриальной импорто-замещающей и экспортно-ориентированной модели к экономике, в увеличивающейся степени базирующейся на производстве современных услуг, а в промышленности уменьшается роль традиционных трудоёмких и капиталоемких секторов в пользу высокотехнологичных и капиталоемких секторов обрабатывающей промышленности. В национальном хозяйстве КНР происходят сдвиги, которые уже долгое время идут в развитых странах мира; уменьшение долей аграрного и промышленного производства, увеличение доли сферы услуг. Э. Кампанелла отмечает, что в 2013 г. производство услуг превзошло по стоимости промышленное производство и достигло почти половины ВВП Китая [6]. В первом квартале 2016 г., по данным сотрудницы агентства «Блумберг» Э. Каррен, доля сектора услуг впервые в истории составила более половины китайского ВВП – 51,6% [15].

Тем не менее, Китай существенно отстает от развитых стран в структурной перестройке национального хозяйства: в 2015 г. доли сельского хозяйства, промышленности и сервисного сектора составили в Китае, соответственно 8,9, 12,7 и 8,9%, в то время как в США эти показатели были равны 1,6; 20,8; 77,6%, а в Японии – 1,2, 26,6 и 72,2% соответственно (в России – 4,4%, 35,8% и 59,7%) [11; 30].

Следует учитывать, что многие прогнозы развития китайского хозяйства, как признают сами американские специалисты, страдают некорректностью, поскольку основываются на анализе одних индикаторов и пренебрегают другими. В частности, нередко используются показатели, характеризующие динамику развития традиционных отраслей (товарный экспорт, потребление энергетического и другого промышленного сырья, динамика кредитования, объёмы транспортных перевозок, развитие промышленного производства в целом), а анализ перемен сводится к рассмотрению преимущественно государственных мер поддержки национальной индустрии, в том числе решений валютно-финансового характера. Основываясь только на таких индикаторах, в январе 2016 г. ряд экспертов предсказывал чуть ли не экономический коллапс КНР, однако оказалось, что рост ВВП КНР в 1,4–2,4 раза превысил прогнозы американских экономистов [10]. Акцент на использовании индикатора сокращения грузовых железнодорожных перевозок, отражающего долгосрочный кризис в промышленном производстве, и игнорирование роста пассажирских перевозок, являющийся следствием быстрого развития туризма, а также воз-

росшей мобильности населения, могут привести к ошибочным оценкам экономической активности в стране.

С января по ноябрь 2015 г. в КНР были зарегистрированы 3,9 млн. новых компаний, действующих в сфере туризма, здравоохранения, спорта и образования. В 2014 г. Китай занял второе место в мире по кинопрокату, доходы от которого превысили 4 млрд. долл. Опережающими темпами расширяются онлайн-банковские операции. Согласно американской исследовательской организации «Конференс борд», которая учла в своём прогнозе индикаторы развития широкого круга секторов экономики, в том числе пассажирских перевозок, розничных потребительских продаж и др., рост ВВП Китая в 2016 г. составит 6–6,5% [6]. Согласно прогнозам, произойдёт дальнейшее замедление развития промышленного сектора китайской экономики в целом:– по некоторым оценкам – до 3,5% в среднем ежегодно. Вместе с тем, развивающаяся тенденция к росту потребления товаров и услуг может привести к превращению Поднебесной в один из крупнейших потребительских рынков в мире. Ожидаемые среднегодовые темпы роста сектора услуг в Китае, согласно прогнозу Кампанеллы, составят в долгосрочном плане около 8,8%, и в результате экономический рост КНР в целом составит около 6% ежегодно, что, бесспорно, «уступает... росту, к которому уже привык весь мир, но совершенно точно не является крахом» [6].

Заслуживает внимания мнение Р. Ляо (Liao), члена Национального комитета по американо-китайским отношениям и Брукингского сообщества, что нынешнее китайское руководство выбрало в качестве приоритета внешнеэкономической политики сохранение стабильности юаня, а в сфере национального хозяйства – энергичное финансовое регулирование в духе кейнсианской теории. Использование финансовых методов стимулирования роста может, по мнению Ляо, за короткое время увеличить совокупный спрос, что ускорит переход китайской экономики от традиционной модели первоочередного развития производства средств производства к модели, в которой двигателем развития выступает потребительский спрос. Использование некейнсианских методов может также повысить степень ликвидности без снижения процентных ставок и, тем самым, поможет удержанию капитала от ухода за границу. Всё это означает, что в обозримом будущем не состоится либерализация международного движения капитала и остановится процесс реформирования финансовых институтов. Замедлится инвестирование китайского капитала за границей, что, среди прочего, серьёзно затруднит осуществление таких крупномасштабных международных проектов Китая, как «Один пояс, один путь» (*One Belt, One Road*), предусматривающий китайское содействие ускорению хозяйственного роста в более чем 60 государствах Евразии и Восточной Африки, в которых проживает 63% населения планеты*. А ведь осуществление проекта, стоимость которого оценивается в 21 трлн. долл., должно было, среди прочего, дать за-

* «Один пояс, и один путь» – выдвинутая Китаем инициатива объединённых проектов создания «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином во время его визитов в страны Центральной Азии и в Индонезию осенью 2013 года.

грузку избыточным мощностям китайской индустрии и обеспечить занятость миллионов китайцев.

Высказывается, однако, и другая точка зрения на перспективы экспорта капитала из КНР. В частности, отмечается, что общая стоимость сбережений китайцев огромна: в конце 2015 г. она в полтора раза превышала американскую (5,2 трлн. долл. против 3,4 трлн. долл.). Этот гигантский объём сбережений увеличивается при сложившейся неблагоприятной инвестиционной ситуации в Китае и снижении курса юаня, что создает возможность для вложения указанных сбережений за границей. До сих пор китайцы ограничивали отток капитала, однако в случае ослабления такого контроля вполне вероятен крупномасштабный вывоз китайского капитала. Данная точка зрения подтверждается, в частности, уже происходящей активизацией китайских прямых капиталовложений в Соединённых Штатах: в 2016 г., по оценке, они достигнут 30 млрд. долл., это вдвое больше, чем в предыдущем году. Согласно данным Национального комитета американо-китайских отношений и исследовательского центра «Родиум групп», в США в 2015 г. действовали более 1900 компаний с китайским капиталом, на которых трудилось 90 тыс. американцев [35].

Тормозы роста (экономические и другие)

Главным тормозом дальнейшего хозяйственного развития Китая американцы считают сравнительно низкую эффективность доминирующего в экономике государственного сектора. В докладе Исследовательской службы Конгресса утверждается, что главная беда китайской экономики носит системный характер и заключается в том, что она до сих пор только частично перешла на рыночные принципы. Главную роль в хозяйственном развитии играет государство: около половины ВВП Китая (не считая аграрного производства) производится в государственном секторе, причём ключевые отрасли экономики (нефтяная, добывающая, телекоммуникационная, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт и др.) защищены от конкуренции [28]. Согласно У. Моррисону, аналитику Исследовательской службы Конгресса, государственные предприятия составляют лишь 3,1% всех предприятий в Китае, однако им принадлежит 30% активов компании в промышленности и сфере услуг. Государство контролирует банковскую систему; банковские кредиты предоставляются на привилегированных условиях преимущественно компаниям, деятельность которых соответствует национальным интересам; доля госсектора в банковских кредитах составляет 85% [28].

Осуществление государственного контроля обуславливает применение нерыночных принципов предоставления банковских кредитов, пренебрежение возможными рисками, что, в частности, привело к предоставлению крупномасштабных кредитов местным органам власти, особенно в последние годы, на осуществление дорогостоящих инфраструктурных проектов в целях поддержания экономической активности и занятости. Только с конца 2010 г. до середины 2013 г. долг местных правительств вырос на 67% и достиг почти 6 трлн. долл. Государственный контроль банков, по мнению американцев, привёл, сре-

ди прочего, и к структурным перекосам в отраслевой структуре инвестиций, например, к избыточным капиталовложениям в сферу недвижимости, и к недоинвестированию в сферу услуг [26].

Инвестиции, согласно Э. Каррен из агентства «Блумберг», составили в 2010–2014 гг. 49% ВВП Китая. В сокращении инвестиций не заинтересованы такие мощные игроки на китайском рынке, как государственные предприятия нефинансового сектора, а также местные правительства, для которых выгодно осуществление государством крупных проектов, а также рост рынка недвижимости [15]. Вместе с тем, принятые перечисленных мер по ограничению финансовых вливаний могут, по мнению американских специалистов, привести к негативным последствиям для банковского сектора и массовой безработице, прежде всего, в строительном секторе, в котором работают миллионы китайцев. Всё это чревато экономическими потерями и социально-политической дестабилизацией.

Структурные перемены в экономике сдерживаются правительственным субсидированием экспортных цен. Дело в том, что, в ситуации замедления экономического роста и появления избыточных мощностей китайские власти боятся усугубить сложившуюся социально-экономическую ситуацию радикальной приватизацией в промышленности, делают ставку на заниженные экспортные цены и широко используют в последние годы государственное финансирование экспортного производства на промышленных предприятиях, преобладающая часть которых принадлежит государству.

В итоге, стремясь избежать опасного развития социальной ситуации, Пекин, по мнению американских экспертов, принимает решения в духе «устаревшей» экономической политики. В начале 2016 г., например, появилась информация о том, что власти одобрили меры для того, чтобы ускорить осуществление 300 инфраструктурных проектов общей стоимостью 1,1 трлн. долл., а национальный центральный банк понизил вдвое процентную ставку, обещая корпоративное заимствование [15]. В результате двойственности хозяйственного курса властей под экономику Китая уже заложена мощная долговая бомба: совокупный государственный, корпоративный и потребительский долг достиг в середине 2014 г., согласно оценке, 28 трлн. долл., или около 282% китайского ВВП [15].

Стратегической «ахиллесовой пятой» хозяйственного роста КНР американские исследователи считают технологическое отставание Китая, даже при том, что сегодня доля высокотехнологичной продукции машиностроения достигла 25% экспорта КНР, а по отдельным таким товарам доля китайских производителей на мировом рынке достигает 50–75% (морские контейнеры, портовые краны, энергетическое оборудование, работающее на угле), в мировом экспорте телекоммуникационного оборудования, ветряных турбин и высокоскоростных рельсовых систем доля Китая варьирует между 15 и 30% [21]. Американские аналитики утверждают: перечисленные весьма высокие показатели не надо переоценивать, поскольку они достигнуты за счёт того, что преимущественно китайские производители ориентируются на заимствование иностранных передовых технологий, их адаптацию и упрощение. Одним из свидетельств «технологического разрыва» является то, что

поступления американских корпораций из-за рубежа за использование технологических новинок составили в 2013 г. 128 млрд. долл., а Китая – менее 1 млрд. долл. [3]. В период 2008–2014 гг. платежи (роялти) Китая за иностранную технологию выросли вдвое и достигли 21 млрд. долл. [5]. Китайский экспорт товаров, относимых к категории высокотехнологичных, состоит в основном из продукции сборочных производств, организованных в Китае иностранными компаниями. Во всём этом американцы видят слабость промышленной и технологической политики, которая обрекает китайцев на долгосрочное, если не постоянное отставание.

Несмотря на то что, согласно американским оценкам, китайские государственные ассигнования и расходы частного бизнеса на исследования и разработки могут превзойти в ближайшее десятилетие таковые в Соединённых Штатах, американцы считают, что этих средств недостаточно для технологического рывка и успех в производстве передовой машиностроительной продукции может быть достигнут только если активизация инновационной деятельности будет сопровождаться институциональными, социальными и правовыми реформами [7; 19; 28].

Технологическая вторичность китайской продукции обуславливает неудачи в конкуренции с западными производителями, проявившиеся, например, в замедлении темпа роста китайского экспорта телекоммуникационного оборудования с 25% в 2010 г до 10% в 2014 г. [19]. Да и в целом среднегодовые темпы увеличения товарного экспорта Китая уменьшились более, чем втрое в первой половине 2010-х годов по сравнению со второй половиной 2000-х годов, Китаю не удаётся перейти так же быстро, как когда-то Японии и Южной Кореи, от экспорта продукции, применяющей вторичные технологии, к производству и продажам товаров, использующих собственно китайские оригинальные конкурентоспособные достижения.

Роль одного из сильнейших ограничителей рыночной конкуренции в Китае и, тем самым, его экономического роста играет государственная коррупция. У. Моррисон подчёркивает, что в 2009 г. было официально зарегистрировано 115 420 случаев коррупции среди партийно-государственных чиновников, а в целом в 2001–2010 гг. Китай был крупнейшим в мире источником нелегального вывоза капитала, оценивавшегося в 3,8 трлн. долл. [28]. Точные данные относительно того, какая часть этой суммы принадлежит государственным коррупционерам, американским китаеведам неизвестны, однако о масштабах незаконных доходов можно судить по тому, что, например, семья бывшего премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао (*Wen Jiabao*) контролирует активы стоимостью, по меньшей мере, 2,7 млрд. долларов [28; 29].

Некоторые американские авторы выражают сомнение в том, что китайские коммунисты смогут обеспечить назревшую перестройку национальной экономики, поскольку заинтересованы в сохранении статус-кво, обеспечивающего им личное обогащение за счёт существования огромного государственного сектора и контроля над ресурсами в целом. Только реальная угроза потери власти в результате экономической катастрофы может, по мнению таких авторов, заставить Пекин пойти на требуемые реформы. Поэтому, с точки зрения, например, Т. Коуэна, известного экономиста, директора Центра политической

экономии имени Джеймса Бьюкенена, в краткосрочной перспективе Китай скорее всего останется сравнительно стабильным политическим режимом, который будет обеспечен разрушительными для экономики «искусственными схемами» получения доходов находящимися у власти партийными и иными чиновниками [14].

Ещё одним мощным хозяйственным тормозом выступает «зацикленность» китайского руководства на достижении технической и индустриальной самообеспеченности преимущественно за счёт импортозамещения. Китайские компании стремятся обеспечить своё производство частями и компонентами, произведёнными в Китае, для этого они широко заимствуют соответствующие уже освоенные технологии у иностранных фирм и модифицируют их в собственном производстве. Такой подход отличается от используемого большинством американских корпораций, которые создают глобальные системы снабжения своего производства частями и компонентами. Например, в производстве айфонов «Эппл» или самолета «Боинг 787» используются поставки такой продукции многочисленными компаниями Азии и Европы. Китайские производители, таким образом, нацелены на максимальное импортозамещение, а их американские соперники – на использование наиболее качественных частей и компонентов, конкурирующих между собой фирм независимо от того, где они расположены [7].

Несмотря на то что китайский ВВП с 2010 г. уступает по размеру только американскому, по величине ВВП на душу населения китайцам ещё далеко до ведущих развитых стран; в 2014 г. он был всемеро меньше чем в США. Эксперты указывают на то, что для китайского общества характерной чертой является процесс усиления социально-экономического неравенства. Наибольший разрыв в доходах существует между городскими и сельскими тружениками, между прибрежными и западными регионами, между отдельными профессиональными группами. Например, среднегодовая заработная плата занятых в городах вдвое превышает таковую в аграрных регионах; для занятых в финансовом секторе она примерно вдвое больше, чем в секторе образования.

Признанный в мире показатель такого неравенства, коэффициент Джини держался в последнее десятилетие значительно выше уровня в 0,40 (расценивается как опасный пороговый индикатор социальных волнений) [1; 20; 21]. В целом, указанный показатель варьирует в пределах от 0 до 1. Чем ближе рассчитанный для той или иной страны показатель к максимальному значению [1], тем значительнее неравенство в доходах. В Китае в 2005–2015 гг. этот индикатор колебался в пределах 0,47–0,49, в США в 2014 г. составил 0,452, а наибольшее значение индекса Джини принадлежит Сейшелам – 0,658 в 2013 году [1; 30]*.

* Коэффициент Джини – коэффициент девиации экономики от абсолютного равенства в распределении доходов. Чем он выше – тем выше и неравенство. Максимальное значение коэффициента равно единице, и это – абсолютное неравенство. Минимальное равно нулю, и это абсолютное равенство. Наиболее часто в современных экономических расчётах в качестве изучаемого признака берётся уровень годового дохода. Коэффициент Джини можно определить как макроэкономический показатель, характеризующий дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны. Иногда используется процентное представление этого коэффициента,

Первостепенное значение для дальнейшего развития экономики Китая имеет идеологический фактор. Так, Т. Коуэн отмечает, что в Пекине у сторонников реформ есть влиятельные оппоненты, интересы которых неотделимы от сохранения статус-кво. По оценкам американских китаистов, в КНР происходит ослабление преобладавшего в 1990–2000-е годы «прагматического» подхода к осуществлению социально-экономической политики, которая во главу угла ставила достижение максимального хозяйственного роста. После двух десятилетий широкого, основанного на «прагматизме» консенсуса по этому вопросу, в руководстве Китая и в обществе в целом углубляется серьёзный идеологический конфликт между сторонниками и оппонентами прагматизма, который может иметь стратегические последствия для внешней и внутренней политики Поднебесной.

Наиболее значительная часть идеологической оппозиции, отмечает профессор Школы права Университета Дьюка Ж. Тайсу (*Taisu Zhang*), организована в весьма влиятельное движение «новых левых», стержнем идеологии которых избран китайский национализм [34]. Это движение призывает к противодействию «западной интеллектуальной колонизации Китая, усилению идеологического контроля над Интернетом и медиаотраслью в целом, уничтожению социального неравенства». В сфере международной политики «новые левые» выступают за проведение более агрессивной внешней политики (например, в Южно-Китайском море). Идеология движения в существенной части базируется на положениях, сформулированных ещё «великим кормчим». Среди причин китайских идеологических перемен называется нарастание социальных и экономических трудностей в последнее десятилетие, а также увеличение китайского среднего класса, которому, согласно американским экспертам, традиционно свойственны националистические настроения. Последнее подтверждается тем, что социальную базу китайских «новых левых» составляют высокообразованные китайцы, среди которых известные экономисты Ван Шаогуан (*Wang Shaoguang*) и Джастин Ифу Линь (*Justin Yifu Lin*), политолог Лю Сяофэн (*Liu Xiaofeng*).

Вторую часть идеологических оппонентов «прагматизма» составляют неоконфуцианцы, которые требуют соблюдения в современном обществе заветов Конфуция, а также воссоздания таких традиционных официальных институтов, как обязательная сдача экзаменов желающими стать государственными чиновниками. Наиболее известным лидером неоконфуцианцев является руководитель конфуцианской академии Ван Янмина (*Yangming*) Цзян Цин (*Jiang Qing*). В 2013 г. в столице провинции Гуйян (*Guiyang*) была создана очередная такая академия. Идеология неоконфуцианства должна, согласно участникам этого движения, стать альтернативой интеллектуальной колонизации Запада, в том числе навязыванию западных экономических моделей развития [34].

называемое индексом Джини. Коэффициент назван в честь его автора – итальянца Корrado Джини (*Corrado Gini*), преподавателя статистики, социологии и демографии в университете Рима. Коэффициент был предложен им в 1912 г. (Available at: <http://50.economicus.ru/index.php?ch=5&le=44&r=2&z=1>; <http://dictionary-economics.ru/word/Коэффициент-Джини>).

Соотношение сил между Китаем и США на корпоративном уровне

Одним из слагаемых и одновременно, результатов усиления мировых экономических позиций Китая является определённый рост китайского глобального влияния на корпоративном уровне. В последние десятилетия развивается устойчивая тенденция к увеличению международной конкурентоспособности китайского бизнеса, росту его агрессивности в соперничестве с ведущими корпоративными игроками на мировых рынках. В Списке 500 крупнейших международных компаний, опубликованном журналом «Форчун» в 2013 г., 132 (27%) были американскими, а 89 (18%) – китайскими, в 2015 г. включены 128 компаний США (26%) и 98 – из КНР (20%) [5; 17]. В 2015 г. Китай впервые опередил Японию по количеству компаний, вошедших в список 2 тыс. крупнейших, публикуемый журналом «Форбс», и вышел на второе место после США; число компаний из КНР выросло по сравнению с 2003 г. в 5 раз – до 232 (12% всего списка) против 579 (29%) американских. На долю Японии пришлось 218 компаний, Великобритании – 95, а на занявшую по этому показателю пятое место Южную Корею – 67 [7; 8; 9].

Несмотря на неоспоримость приведённых показателей международного успеха китайского бизнеса, американские аналитики предупреждают об опасности переоценки китайских достижений и утверждают о сохраняющейся сравнительной слабости «корпоративной мощи» (*corporate power*) Китая. Так, по мнению профессоров П. Гимейуэта и Т. Хута (Нью-Йоркский университет и Университет Тафта соответственно), Китай далеко отстаёт от США по мощи и влиянию корпоративного сектора. Они считают, что те, кто утверждает, что Китай в обозримом будущем «обгонит Соединённые Штаты и превратится в мировую лидирующую экономическую державу», не учитывают «важную истину: экономическая мощь тесно связана с мощью бизнеса, а это сфера, в которой Китай всё ещё плетётся далеко позади Соединённых Штатов» [19]. Столь категоричная оценка обосновывается несколькими соображениями.

Во-первых, отмечается, что такая слабость проистекает уже из того, что доминирующее число крупнейших китайских корпораций принадлежит государству. Аналитик журнала «Форчун» по Китаю С. Сендровски подчёркивает, что 12 крупнейших китайских компаний – это государственные компании, а из всех, входящих в список «Форчун», только 22, или 21% – частные [7]. Компании с казённым капиталом пользуются массивной государственной финансовой и иной поддержкой, направленной на стимулирование их роста и призванной обеспечить конкурентные преимущества, которые носят временный характер, особенно в период смены модели экономического роста. Дело в том, что государственная принадлежность обуславливает неэффективное управление в сравнении с частными компаниями, руководствующимися рыночными принципами. Эта точка зрения американских исследователей подтвердилась тем, что из 54 компаний списка «Форчун» в 2015 г., закончивших 2015 фин. г. с наибольшими потерями, больше всего было из Китая – 16, или почти 30% (Япония оказалась на втором месте с восемью такими компаниями, а американских было четыре) [17].

Хотя ряд американских прогнозов экономического развития Китая указывает на то, что китайский ВВП по меньшей мере к 2028 г. превзойдет американский, многие американские китаеведы считают, что не стоит увлекаться такими макроэкономическими показателями развития КНР, как ВВП, объём внешней торговли, величина валютно-финансовых резервов, зарубежные инвестиции и т.п. Высокие значения таких показателей относительно немного значат в экономическом состязании китайцев с американцами, поскольку они достигнуты Китаем в преобладающей степени за счёт производства дешевой продукции обрабатывающей промышленности, в первую очередь, товаров массового потребления – текстильных, бытовой техники и пр. Для того, чтобы Китай мог реально соперничать с США, китайские предприятия должны достичь превосходство в конкуренции на рынках гораздо более сложной продукции машиностроения, в том числе таких высокотехнологичных изделий, как активная зона ядерных реакторов, полупроводники, медицинское визуализационное оборудование, большие реактивные самолеты и т.п. Китайцам будет весьма затруднительно добиться такого превосходства, поскольку, как указывают П. Гимейуэт и Т. Хут, прошлые успехи основывались на использовании иностранной технологии низкооплачиваемыми китайскими рабочими, а успех в производстве средств производства может быть достигнут только за счёт способностей отдельных компаний разработать уникальные современные технологии, суметь наладить производство по требованиям индивидуальных заказчиков, создать глобальную производственно-сбытовую сеть [19].

Американцы также сомневаются, что китайский бизнес готов на равных соперничать с транснациональными производителями из Соединённых Штатов и других ведущих развитых государств, так как вплоть до настоящего времени китайская продукция конкурировала преимущественно с товарами из развивающихся стран. Более того, на китайском внутреннем рынке высокотехнологичной техники и услуг до сих пор доминируют иностранные компании, Китай по-прежнему в решающей степени зависит от западных технологических достижений. «В областях, которые будут иметь наибольшее значение в XXI веке, китайским компаниям предстоит пройти долгий путь, что должно бы окоротить всех тех, кто уверенно предсказывает не столь далёкое китайское экономическое доминирование», – подчеркивают П. Гимейуэт и Т. Хут [19].

Обеспечение эффективного функционирования глобальных операционных систем требует межрегиональной координации, высокого технического профессионализма в местных подразделениях, квалифицированных менеджеров среднего звена с международным опытом. Подавляющее большинство китайских компаний не обладает перечисленными качествами, они по-прежнему предпочитают располагать производство на китайской территории, используют устаревшие принципы управления. Лишь единицы из китайских производителей (например «Леново», «Алибаба», «Хуавей» (*Huawei*)) смогли пока учесть в своих операциях требования современного рынка: в обозримом будущем американцы не ожидают сколько-нибудь радикальных перемен.

Создание глобальных систем производства, снабжения и сбыта требует от китайского бизнеса огромных инвестиций. Американские корпорации, напри-

мер, обладают прямыми вложениями капитала за рубежом стоимостью 6,3 трлн. долл., а китайские – 750 млрд. долл., что на несколько порядков меньше. Американцы прогнозируют, что к 2019 г. китайские инвестиции увеличатся втрое, т.е. достигнут почти трети их нынешней американской стоимости [13; 19; 35; 36]. Так что превосходство США в этой сфере в обозримом будущем сохраниться, тем более, что, помимо отставания по абсолютной стоимости, китайские капиталовложения характеризуются рядом сравнительных структурных недостатков. В частности, основная часть китайских прямых частных инвестиций за рубежом концентрируется в «традиционных» нефтяной и горнодобывающей отраслях. Несмотря на то что последние полтора десятилетия китайцы значительно активизировали свои вложения в зарубежные, в том числе американские, высокотехнологичные компании, доля таких инвестиции остаётся сравнительно невысокой вследствие различных ограничений, используемых в этом секторе в США и других странах*.

Ещё одной структурной слабостью китайских инвестиций за границей является, по мнению американцев, то, что более половины их размещены в развивающихся странах, причём зачастую в таких, где существуют высокие политические и экономические риски, связанные с высокой внешней задолженностью, военными действиями и социальной нестабильностью. Китай, например, является крупнейшим иностранным инвестором в Афганистане, Анголе, Эквадоре. Пекинские власти проводят политику поощрения капиталовложений китайских компаний в развивающихся странах и снижения рисков путём финансирования инвестиционных проектов, оказания экономической помощи, создания международных инвестиционных институтов типа Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), осуществления крупномасштабных международных проектов (Шёлковый путь).

В целом, по мнению американских экспертов, американские и другие западные и японские машиностроительные корпорации сохраняют и расширяют свои мировые инвестиционные позиции относительно Китая. Китай остаётся «классическим запоздавшим догоняющим, который вкладывает капитал в более рискованные активы и скупает второстепенные западные технологичные компании.

Американские позиции в экономическом соперничестве с Китаем базируются на относительно высокой конкурентоспособности корпоративного бизнеса Соединённых Штатов, его политическом влиянии, научно-технической активности бизнеса, университетов и государства, на стимулировании финансовой системой США инвестиций в новые технологии и рискованные предприятия, поощрении высококвалифицированной иммиграции, содействии юридической и налоговой систем частному предпринимательству, роли доллара как резервной валюты, статусе Соединённых Штатов как сверхдержавы.

* Подробнее см. статью А.Б. Парканского в журнале «США ♦ Канада: экономика, политика, культура», 2015 г., № 3, с. 19–35. – *Прим. ред.*

Военно-технический аспект

Китайцы с конца 1990-х заметно повысили свои военные возможности. Бывший аналитик «Рэнд корпорэйшн», ныне старший научный сотрудник Наньянского технологического университета (Сингапур) Р. Битцингер подчёркивает, что в 2016 г. китайские военные расходы по величине были вторыми в мире и втрое превосходили аналогичные траты Франции, Японии и Великобритании, почти вчетверо – Индии [3; 4]. В 2015 г. военные расходы Китая достигли 145 млрд. долл., причём ассигнования на закупки вооружений и военные исследования и разработки оценивались в 47 млрд. долл., что поставило китайцев по этому показателю также на второе место в мире и превышало по стоимостному объёму полные суммы военных расходов Японии, Индии, Южной Кореи, а также суммарные расходы на оборону всех стран АСЕАН [3]. Пекин сегодня тратит на военные исследования и разработки примерно треть всех оборонных расходов, в то время как большинство западных государств тратит около 20%, а Япония – 17%. Это позволило Китаю оснастить вооружённые силы современной сухопутной боевой техникой, а флот – новыми подлодками, поставить на вооружение современные истребители, самолёты с дозаправкой в воздухе, военные спутники, беспилотные летательные аппараты, различные баллистические, крылатые и тактические ракетные системы. Значительные военные ассигнования позволили Китаю приступить к осуществлению разработок истребителя третьего поколения, новой антикорабельной баллистической ракеты, а также ещё нескольких новых ракетных программ [3].

Вместе с тем, китайские военные расходы в целом в 2015 г. вчетверо уступали американским, а в военные исследования и разработки американцы вкладывали в 13 раз больше чем КНР [3; 5]. Военно-техническое отставание Китая носит долгосрочный характер. «Экономический рост более не трансформируется непосредственно в военную мощь, как это было в прошлом, – считают С. Брукс и У. Волфорт из Дартмутского колледжа, – и это означает, что сегодня растущим государствам гораздо труднее, чем в прошлом, подняться, а утвердившимся державам – упасть. И Китай, единственная страна, которая обладает нереализованным потенциалом и может сравняться с Соединёнными Штатами, стоит перед более устрашающим вызовом, чем прежние поднимавшиеся государства, поскольку он отстаёт технологически» [5].

Китай, считают американцы, мог бы померяться силой с США лишь в местных масштабах, но не в мировых, поскольку не обладает, как Соединённые Штаты, способностью действовать глобально, доминировать в воздушном и космическом пространствах и в открытом море. США превосходят китайцев по уровню развития всех военных систем, обеспечивающих эти американские возможности – «от ударных ядерных подлодок до спутников и транспортной авиации» [5].

В результате бурного экономического роста в предыдущие десятилетия Китаю, по мнению американцев, удалось достичь промежуточного уровня между характеристиками сверхдержавы и супердержавы, но потребуются десятилетия для того, чтобы Поднебесная приобрела экономические и технологи-

ческие возможности, необходимые для превращения в последнюю. Да и стремление Пекина стать супердержавой, утверждают американцы, не столь сильное, как в прошлом у Вашингтона, который боялся Советского Союза гораздо больше, чем китайцы сегодня опасаются США. Наконец, Соединённые Штаты превосходят КНР по количеству высокоразвитых, хорошо вооружённых стран-союзников, а также военных баз, размещённых в этих странах. Глобальное экономическое доминирование США прошло свою наивысшую точку, но их военное превосходство никуда не денется, также как и охватывающая мир союзническая структура, составляющая основу существующего миропорядка [3; 5].

Китайское влияние на мировую экономику

Экономика многих стран мира зависит от торговых связей с Китаем. В течение ряда лет Китай играл роль главного локомотива роста мировой экономики, да и сегодня, несмотря на замедление темпов развития, продолжает играть такую роль. В 2015 г. годовой прирост ВВП КНР по стоимости соответствовал всему ВВП Турции. В первом квартале 2016 г. на КНР пришлось 47% совокупного прироста глобального ВВП, что превышает суммарную долю Соединённых Штатов и еврозоны. В стоимости мировых инвестиций китайская доля составила в указанный период 30% [36]. Однако доля Срединной империи в мировом импорте и потреблении по-прежнему уступает названным величинам и равна 10%. Происходящая ныне трансформация китайской экономики даёт весьма весомые основания ожидать увеличения этого индикатора в обозримом будущем. Согласно позднейшим данным Всемирной торговой организации (ВТО), в 2014 г. Китай занимал первое место в мировом экспорте (12,3% всей его стоимости) и второе в мировом импорте (10,3%) [23].

Хозяйственный рост КНР был главным фактором преодоления финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов США и странами Запада. «Недовольство Китаем популярно, но важность Китая для американской и мировой экономики невозможно недооценить. Китайская экономическая политика, – подчёркивает в журнале «Форбс» К. Рапоза, – стала важным двигателем роста в 2009 г., когда США и Европа разрушались. Без триллионов, которые Китай тратил на поощрение экономики, многие страны, включая США, не нашли бы покупателей своих товаров» [32].

Китай выступает в качестве одного из крупнейших покупателей на мировых рынках промышленного сырья, продовольствия, готовых промышленных товаров, различного типа услуг, что в значительной степени определяет текущую и перспективную конъюнктуру на этих рынках. Например, в апреле 2015 г. Китай впервые импортировал в среднем ежедневно больше сырой нефти, чем Соединённые Штаты, и стал главным мировым покупателем этого стратегического товара. За два года китайцы заняли первое место в мире в нетто-импорте нефтепродуктов.

Трансформация китайской экономической модели обуславливает сокращение импортного спроса на многие виды товаров, от продаж которых китайцам в значительной степени долгое время зависело хозяйственное развитие значи-

тельного числа государств. Сокращения спроса Китая на минеральное промышленное сырьё наносит существенный ущерб экономике многих государств, особенно развивающихся. Например, падение китайских потребностей в меди нанесло ущерб ряду стран Латинской Америки. Доля Китая в совокупном экспорте Австралии составила в 2015 г. более трети, причём решающая роль принадлежит китайским закупкам железной руды; 6% ВВП Австралии зависит от китайского рынка [22; 24; 26].

Весьма глубокое взаимодействие сложилось у многих стран и целых регионов в торговом обмене с Китаем готовой промышленной продукцией. Китайская доля в импорте указанной продукции США достигла в 2014 г. 26,8%, а в экспорте – 6,9%; стран ЕС соответственно 9,1 и 3,9%. В китайском импорте по данной статье названные доли Соединённых Штатов достигли, соответственно, 10,3 и 24,9% (включая Канаду), а ЕС – 18,1 и 19,7%. В целом же удельный вес Китая в мировом экспорте готовой промышленной продукции достиг в 2014 г. 18% (4,1% в 2000 г.), что поставило КНР на второе место в мире по этому показателю после ЕС (43% в 2013 г., 38,5% в 2014 г.) и перед Соединёнными Штатами (12,1% в 2013 г., 13,8% – 2014 г.). В мировом импорте готовой промышленности доля Китая (9,2% в 2014 г.), напротив, значительно меньше его доли в экспорте – почти вдвое, что обуславливает значительный актив в китайской внешней торговле данными товарами (1,1 трлн. долл.). Американцы же импортируют (в первую очередь, из того же Китая) готовой промышленной продукции почти на 0,6 трлн. долл. больше, чем продают, как, впрочем, и страны ЕС, у которых пассив в торговле данной продукцией с Китаем достигает 0,5 трлн. долларов [27; 28; 29].

Приведённые величины являются в большой степени результатом экономической политики Пекина, приоритетом которой многие годы был упор на развитие обрабатывающей промышленности, импортозамещение и экспорт готовой продукции, в то время как в западных экономиках сокращалась доля аграрного и промышленного производства (в том числе традиционных трудоёмких секторов обрабатывающей промышленности), увеличивалось абсолютное и сравнительное значение постиндустриальных отраслей национального хозяйства. Происходящее замедление развития китайской промышленности оказывает негативный эффект на мировую экономику, особенно на рынки машиностроительной продукции. Поставки на китайский рынок составляют в Южной Корее 25% всего экспорта и 11% ВВП; в Японии – 19 и 3%; Перу – 19 и 4%; Бразилии – 18 и 2%; Малайзии – 12 и 10%; Таиланде – 12 и 7% и т.д. [26; 27].

Обозреватель газеты «Вашингтон пост» Д. Игнатиус подчёркивает, что экономическое взаимодействие с Китаем было одним из главных факторов непрерывного 25-летнего хозяйственного роста Австралии. Согласно опросу общественного мнения, проведённому в 2016 г. исследовательской австралийской организацией «Лоуи институт» (*Lowy Institute*), на вопрос «Отношения с какой страной наиболее важны», 43% жителей пятого континента назвали Китай и также 43% – Соединённые Штаты. Масштабы экономического взаимодействия Китая с Австралией столь значительны, что заставляют некоторых американских экспертов утверждать о существовании противоречия ме-

жду австралийскими экономическими интересами и соображениями безопасности. Указывая это, Д. Игнатиус приводит слова министра иностранных дел Австралии Джули Бишоп: «Впервые в нашей истории наш торговый партнёр № 1 не является союзником». Под предлогом обеспечения национальной безопасности власти Австралии начали недавно ограничивать китайские инвестиции в национальную энергетику [22].

Известный финансовый аналитик Р. Бест называет следующие основные последствия замедления китайского роста для мировой экономики. Во-первых, сокращение спроса китайской экономики на сырую нефть, значительно усугубляя ситуацию с нефтяными ценами, и без того резко сократившимися в результате ее избыточного предложения. Среди прочего, пострадали страны-экспортёры нефти на китайский рынок. Во-вторых, поскольку Китай является главным мировым потребителем железной руды, свинца, меди и многих других видов сырья, пострадали государства-поставщики этих товаров, особенно Австралия, Бразилия, Перу, Индонезия и ЮАР. В-третьих, импортный спрос Китая сократился только за первую половину 2015 г. на 15%, и, поскольку КНР является главным мировым торговцем (её доля в стоимостном объёме превышала 10% в 2014 г.), это нанесло ущерб как государствам, зависимым от торговли с КНР, так и мировой торговле в целом.

Наконец, в четвёртых, ущерб наносится как на уровнях глобального и национальных хозяйств, так и на уровне отдельных корпораций. Многие из них несут потери от сокращения поставок своей продукции китайским потребителям (например, «Эппл», «Майкрософт» и пр.), а многие страдают косвенно (например, корпорация «Джон Дир», поставляющая на мировые рынки сельскохозяйственную технику, может понести убытки не только от уменьшения китайского спроса, но и от сокращения закупок её машин странами Латинской Америки, которые в большой степени зависят от экспорта в Китай аграрной продукции [2].

Китай остаётся страной, население которой составляет 19% общего и 22% всего трудоспособного населения мира, причём Китаю ещё далеко до превращения в развитую страну, его огромное население остаётся сравнительно бедным, что обуславливает долгосрочный процесс увеличения внутреннего потребления, в том числе и импортных товаров и услуг и тем самым создаёт новые возможности для иностранных инвесторов и экспортёров.

В результате названных процессов, американские и другие иностранные компании, как ожидается, перейдут в своей стратегии в Китае, наряду с организацией экспортных производств, к деятельности, направленной на удовлетворение потребностей китайского внутреннего рынка. Важной сферой приложения иностранного капитала может стать сфера услуг. Ведь, будучи главным товарным экспортёром мира, Китай занимает лишь пятое место в глобальном экспорте коммерческих услуг (4,7% их стоимости), вслед за США (13,9%), Великобританией (6,8), Францией (5,4) и ФРГ (5,4). В импорте же коммерческих услуг китайцы вторые в мире (8,0%) после Соединённых Штатов (9,4%). Значительный отрицательный баланс в торговле коммерческими услугами (116 млрд. долл.) – важный показатель сравнительного отставания Китая в развитии передовых сервисных секторов экономики [27].

Важной характеристикой перемен в участии Китая в процессе региональной и глобальной интеграции станет, как ожидают американские специалисты, увеличение китайских прямых и портфельных инвестиций, причём не только преимущественно в добывающих отраслях в развивающихся государствах, как это было в предыдущий период, но и в современных технологичных секторах экономики США и других развитых стран.

Перемены в раскладе экономических сил является одним из главных долгосрочных мировых мегатрендов. Согласно прогнозу международной экспертной фирмы «ПрайсУотерхаусКуперс» (*PricewaterhouseCoopers*, или *PWC*), одной из четырёх крупнейших консалтинговых компаний в мире, к 2030 г. совокупная покупательная способность Китая и других шести активно растущих экономик (Бразилии, Индии, Индонезии, Мексики, России и Турции) больше, чем у «семёрки» развитых государств Европы и Северной Америки (*G-7*). К 2025 г. доля Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона в инвестициях в развитие глобальной хозяйственной структуре достигнет 60% (Западной Европы – 10%). Роль лидера этой группы стран может перейти к Индии, темпы роста которой сегодня выше китайских [10; 13; 26]. Д. Игнатиус из «Вашингтон пост» отмечает, что в результате экономических перемен в Китае изменяется конфигурация сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку не только Индия обошла Китай по темпам роста ВВП (в том числе, в расчёте на душу населения), но также имеются признаки выхода Японии из длительного периода экономических трудностей [22]. Таким образом, китайское доминирование в экономике Азиатско-Тихоокеанского региона может столкнуться со значительными вызовами. (В долгосрочной перспективе ожидаются новые сдвиги в глобальной конфигурации экономических сил, связанные с появлением очередной «семерки», которую, как ожидается, сформируют Бангладеш, Колумбия, Марокко, Нигерия, Перу, Филиппины и Вьетнам) [13].

Что рекомендуют Вашингтону?

Ещё во время предвыборной кампании 2008 г. Б. Обама заявлял о важности Азиатско-Тихоокеанского региона для Соединённых Штатов, а затем усилил внимание администрации к этому району мира и, в частности, углубил отношения с Китаем, отмечает известный эксперт из Китайского центра Йельской школы права и издатель бюллетеня «Ю.С.-Чайна уик» Г. Уэбстер [37]. Однако, подчеркивает этот китаевед, Вашингтон так и не разработал новую перспективную стратегию на этом направлении, и не смог чётко сформулировать её цель, а лишь стремился к сохранению двух главных элементов статус-кво – военного превосходства США и их союзников и выгодных для них экономических договорённостей [37]. Соединённым Штатам не удалось найти адекватного ответа на вызовы, которые порождены переменами в развитии региона, главной из которых выступает растущее влияние Китая, они по-прежнему делали ставку на использовании, во-первых, военного фактора и, во-вторых, на дипломатические усилия, которые призваны законсервировать существующий международный порядок, основанный на сформулированных

Соединёнными Штатами правовых нормах. Именно последняя цель была главной в единственной крупной инициативе Б. Обамы – попытке создания Транстихоокеанского партнёрства (ТТП).

Концентрация усилий Вашингтона на сохранении существующей конфигурации сил в регионе не смогла воспрепятствовать усилению китайских позиций. В частности, в 2015 г., несмотря на активное противодействие США, по инициативе КНР был учреждён Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, появление которого нанесло серьёзный удар по монополии Бреттон-Вудской системы в регионе. В дальнейшем Соединённые Штаты были вынуждены отойти от первоначальной позиции по вопросу создания банка. По мнению С. Брукса и У. Уолфорта, Вашингтон должен избегать ошибок, подобно той, что он совершил, активно пытаясь сорвать создание банка. «Вашингтон развязал битву с нулевой суммой, которая завершилась оскорбительным дипломатическим поражением» – подчёркивают эти аналитики [5].

Ставка на сохранение статус-кво привела также к двойственности политики США по поводу китайских действий вокруг островов в Южно-Китайском море. Американцы декларируют свою верность принципам свободы судоходства, но воздерживаются от конкретных действий против того, что воспринимают как нарушения этого принципа китайцами, объясняя свои действия нежеланием обострять отношения с Китаем в целом и сотрудничество с ним по важным глобальным вопросам, например, проблеме климата. Впрочем, по мнению Т. Стерна, представителя президента Обамы на переговорах по проблеме климата, смена модели экономического роста может со временем привести к снижению доли КНР в мировых выбросах парникового газа и, тем самым, содействовать решению проблемы изменения климата [25].

Наступает время, когда США будут сохранять военное превосходство, но терять экономическое доминирование, а Китай, напротив, станет более мощным экономически, чем в военном отношении. «Это означает, что Китай будет наращивать экономические вызовы вместо военных, а с ними необходимо будет справляться с умом» [3; 5]. Хотя у американских аналитиков нет сомнений в том, что Китай, и в положении отстающего, может создать серьёзные проблемы для США, они считают, что Пекин в обозримом будущем не потребует кардинальных перемен в существующем международном экономическом порядке. Поэтому Вашингтону рекомендуют помнить, что его доминирование предоставляет возможности маневра относиться к китайским претензиям снисходительно и идти на скромные уступки, которые обеспечат интеграцию Китая в существующие глобальные хозяйственные структуры, что предпочтительнее провоцирования угрозы серьёзных международных конфликтов и внутренних принципиальных, системных, изменений. Дж. Вебстер указывает на отдельные признаки того, что в Вашингтоне начали осознавать перемены в американо-китайском региональном соперничестве, в частности на то, что Вашингтон поддержал решения по усилению позиций Китая в МВФ, а также повышению роли Китая в мировых делах «Группы 20», включающей Китай [37].

Тем не менее, значительную активность проявляют эксперты, которые считают, что экономический рост КНР способствует усилению её военных

возможностей и проведению такого курса в международных экономических отношениях, который может не совпадать с интересами Соединённых Штатов. По мнению некоторых американских аналитиков, Китай предпринимает усилия по созданию такого порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который предусматривал бы «сведение к минимуму силовое присутствие США»[37].

В подтверждение оценки региональной политики КНР американские эксперты приводят китайские акции – проект «Один пояс, один путь», предусматривающий создание наземного транспортного «Шёлкового пути», и его дополнения – «Морского Шёлкового пути». Помимо этого гигантского предприятия, Китай стал инициатором создания новых региональных финансовых институтов «Азиатского банка инфраструктурных инвестиций», «Фонда Шёлкового пути» и других проектов, что расценивается американцами, как подрыв монопольных позиций контролируемого ими и их союзниками Азиатского банка развития.

Противодействовать региональной политике Пекина предлагается путём создания Транстихоокеанского партнёрства (ТТП). Страны – члены этого института призваны будут, независимо от того, присоединится Китай к ТПП или нет, навязать ему те «правила поведения» в регионе, которые будут соответствовать американским интересам. В аналогичном контексте рассматривается в Вашингтоне заключение двустороннего инвестиционного договора, переговоры о котором ведутся уже продолжительное время [18]. Ряд американских китаеведов высказывается за сотрудничество с китайцами в областях, затрагивающих интересы Соединённых Штатов. По их мнению, Вашингтон должен убедить Китай в том, что в его интересах сохранение международной торговой системы и что Китаю следует взять на себя в этом лидирующую роль, а также растолковать китайцам, что свой экономический рост они могут обеспечить, проводя системные реформы, направленные на полный переход к рыночной экономике. Китай должен поощрять технологические нововведения не государственными субсидиями и протекционистскими мерами, а, напротив, ликвидацией торговых и инвестиционных барьеров, снятием всех преград конкуренции. По глобальным экономическим, политическим и другим важным для США вопросам (торговые договорённости, изменение климата, нераспространение ядерного оружия, корейская проблема и др.) Вашингтону рекомендуют активно сотрудничать с Китаем на различных двусторонних и международных форумах. Вместе с тем, наряду с использованием методов «тихой дипломатии», Вашингтону рекомендуют в целом проведение политики сдерживания китайцев, используя при необходимости карательные методы, направленные на то, чтобы заставить их «играть по правилам», естественно, американским.

Оценивая китайские экономические перспективы, американцы отмечают негативное влияние широкой коррупции, слабости финансовых рынков, отсутствия социальных гарантий, стремительного старения населения, политического брожения среднего класса, загрязнения окружающей среды. Поэтому, несмотря на то что в Соединённых Штатах распространено весьма благоприятное мнение относительно перспектив китайской экономики, там часто

высказываются и более осторожные оценки. «С одной стороны, Китай, похоже, изменяет направление развития своей экономики, – отмечается в докладе Исследовательской службы американского Конгресса. – ...Однако китайское правительство продолжает подчеркивать роль государства в экономике, и неясно, намерено ли оно предпринять такой тип всесторонних хозяйственных реформ, которые требуются для обеспечения здорового экономического роста в будущем» [28]. Отсутствие таких реформ чревато в перспективе стагнацией китайской экономики, что, в свою очередь, негативно скажется на мировой экономике.

Список литературы

1. *Салмина А.А.* Избыточное неравенство и экономический рост: Россия и БРИКС. Available at: <http://neravenstvo.com/?p=1091> (accessed 28.07.2016).
2. *Best R.* 4 Ways China Influences Global Economics. Available at: <http://www.investopedia.com/articles/investing/012816/4-ways-china-influences-global-economies.asp#ixzz4G4esnRM7> (accessed 2.08.2016).
3. *Bitzinger R.* A New Low? Chinese Defense Spending Takes a Hit. Available at: <http://atimes.com/2016/03/a-new-low-chinese-defense-spending-takes-a-hit/> (accessed 2.08.2016).
4. *Bitzinger R.* China's Double-Digit Defense Growth. What It Means for a Peaceful Rise. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-03-19/chinas-double-digit-defense-growth> (accessed 6.08.2016).
5. *Brooks S., Wohlforth W.* The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States. Available at: [http://foreignaffairs.com/atricles/inted-states/2016-ou-13/once-and-future-superpower?](http://foreignaffairs.com/articles/inted-states/2016-ou-13/once-and-future-superpower?) (accessed 2.08.2016).
6. *Campanella E.* Misreading China's Economy. Why the Old Measures of Growth Don't Work. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-29/misreading-chinas-economy> (accessed 6.08.2016).
7. *Cendrowski S.* China's Global 500 Companies are Bigger than Ever – and Mostly State-Owned. Available at: <http://fortune.com/2015/07/22/china-global-500-government-owned/by> (accessed 15.08.2016).
8. *Chen L.* 2015 Global 2000: The Largest Companies in China. Available at: <http://www.forbes.com/sites/liyanchen> (accessed 15.08.2016).
9. *Chen L.* The World's Largest Companies 2015. Available at: <http://www.forbes.com/sites/liyanchen/2015/05/06/the/worlds-largest-companies/print> (accessed 15.08.2016).
10. China and India: Twin Engines of World Economy. Available at: <http://www.livemint.com/Opinion/vXudGM5/vComc/XgAxewunM/Chinf-and-India-twin-engines-of-world-economy.html?facet=print> (accessed 15.08.2016).
11. China: Composition of GDP (gross domestic product) Across Economic Sectors from 2005 to 2015. Available at: <http://www.statista.com/statistics/270325/distribution-of-gross-dovestic-product-gdp-across-economic-sectors-in-cina/> (accessed 15.08.2016).

12. China: Gross Domestic Product (GDP) at Current Prices from 2010 to 2021 (in billion U.S. dollars). Available at: <http://www.statista.com/statistics/263772/gross-domestic-product-gdp-in-china/> (accessed 15.08.2016).
13. Colliding Megatrends. Available at: <http://www.pwc.com/gx/en/about/global-annual-review-2015/colliding-megatrends.html> (accessed 15.08.2016).
14. *Cowen T.* Seeing China Through its Economic History. Available at: <http://bv.ms/2asE8vA> (accessed 10.08.2016).
15. *Curran E.* The Major Paradox at the Heart of Chinese Economy. Available at: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-04-15/a-chinese-paradox-slow-growth-is-good-stock-bubbles-welcome> (accessed 10.08.2016).
16. *Dolven B., Fergusson I., Manyin M., Martin M., Morrison W., Williams B.* The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf> (accessed 10.08.2016).
17. Fortune Global 500: Top 10 Most Profitable Companies in the World. Available at: http://www.huffingtonpost.com/2013/07/08/fortune-global-500_N_3561233.html (accessed 10.08.2016).
18. *Francis D., Johnson K., O'Tool M.* China Isn't Quite the Economic Headache Presidential Candidates Want it To Be. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/04/14/china-isnt-quite-the-economic-headache-presidential-candidates-want-it-to-be/> (accessed 10.08.2016).
19. *Ghemawat P., Hout T.* Can China's Companies Conquer the World? The Overlooked Importance of Corporate Power. Available at: http://www.viet-studies.info/kinhte/FA_ChanaCompaniesTheWorld.htm (accessed 10.08.2016).
20. Gini Coefficient in China: Inequality of Income Distribution in China from 2005 to 2015. Available at: <http://www/statista.com/statistics/250400/inequality-of-incomedistribution-in=chinf-based-on-the-gini-index/> (accessed 10.08.2016).
21. Gini index (World Bank estimate). Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/si.pov.gini?locations=RU> (accessed 10.08.2016).
22. *Ignatius D.* China's Rise Presents a Dilemma for Australia. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/chinas-rise-presents-a-dilemma-for-australia-2016/08/23/38d8027c-6942-11e6-8225-fbb8a6fc65bc_story.html?utm_term=.d6918ab78ad2 (accessed 20.08.2016).
23. International Trade Statistics 2015. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_et_its2015_e.pdf (accessed 20.08.2016).
24. *Johnson K.* China Tops U.S. as Biggest Oil Importer. Available at: <http://foreignpolicy.com/2015/05/11/china-tops/u-s-as-biggest-oil-importer-middle-east-opec-sloc/> (accessed 20.08.2016)
25. *Johnson K.* Obama's Climate Envoy: China Will Surprise Us in a Good Way. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/04/01/obamas-climate-envoy-china-will-surprise-us-in-a-good-way-todd-stern-paris-emissions/> (accessed 20.08.2016)

26. *Johnston M.* Slow Growth in China to Affect Asia-Pacific. Available at: <http://www.investopedia.com/articles/investint/090315/slow-growth-in-china-affect-asiapacific.asp> (accessed 12.08.2016)
27. *Liao R.* China's Domestic Distractions. How Economic Turbulence Undermines Beijing's Global Agenda. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-03-30/china-s-domestic-distractions> (accessed 20.08.2016).
28. *Morrison W.* China's Economic Rise: History, Trends,. Challenges, and Implications for the United States. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf> (accessed 2.08.2016)
29. *Morrison W.* China-U.S. Trade Issues. December 15, 2015. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf> (accessed 15.08.2016)
30. Proportions of Economic Sectors in the Gross Domestic Product (GDP) in Selected Countries in 2015. – <http://www.statista.com/statistics/264653/proportions-of-economic-sectors-in-gross-domestic-product-gdp-in-selected-countries/> (accessed 20.08.2016)
31. Ranking of the 20 Countries with the Biggest Inequality in Income Distribution in 2013, based on Gini index. – <http://www.statista.com/statistics/264627/ranking-of-the-20-counties-with-the-biggest-enequality-in-income-distribution/> (accessed 10.08.2016)
32. *Rapoza K.* Just How Big Is China's Impact on the World Economy? Available at: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/04/14/just-how-big-is-chinas-impact-on-the-world-economy/#5c0199351cc1> (accessed 20.08.2016).
33. Russia: Gross Domestic Product (GDP) in Current Prices from 2010 to 2020 (in billion U.S. dollars). Available at: <http://www.statista.com/statistics/263772/gross-domestic-product-gdp-in-russia> (accessed 20.08.2016).
34. *Taisu Zh.* China's Coming Ideological Wars. Available at: <http://foreignpolicy.com/2016/03/01/chinas-coming-ideological-wars-new-left-confucius-mao>
[xi/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=New%20Campaign&utm_term=%2AEditors%20Picks](http://www.foreignpolicy.com/2016/03/01/chinas-coming-ideological-wars-new-left-confucius-mao?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=New%20Campaign&utm_term=%2AEditors%20Picks) (accessed 20.08.2016).
35. *Yan S.* China Investment in U.S. to Hit \$30 Billion this Year. The Great Chinese Investment Wave is Gaining Power. Available at: <http://money.cnn.com/2016/04/12/investing/china-investing-us> (accessed 20.08.2016).
36. *Wang J., Pomeroy J.* China and the World. Available at: <http://www.research.hcbc.com> (accessed 20.08.2016).
37. *Webster G.* Making Good on the Rebalance to Asia. How to Move Beyond the Status Quo with China. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-03-03/making-good-rebalance-asia> (accessed 13.08.2016).

American Forecasts of Chinese Economic Growth

(USA ❖ Canada Journal 2016, No. 12, p.30-51).

Received 28.09.2016.

PARKANSKY Alexander Borisovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebnny per., Moscow, 121069 Russian Federation (Parkansky2010@yandex.ru).

The article analyses the latest forecasts of Chinese social and economic development, published by the U.S. experts. Special attention is paid to anticipated changes in the U.S. – China economic and technological competition, as well as to the possible American approaches to policy towards China and to the consequences of slower Chinese growth for the Asia-Pacific region and world economies.

Keywords: *GDP, structural reforms, economic growth, national debt, investment, social inequality, technological gap, international companies, state sector, corruption, exports, imports.*

About the author:

PARKANSKY Alexander Borisovich, Doctor of Sciences (Economy), Chief Researcher.